

*Немногих людей я так люблю и так уважаю,
как его».*
Карл Маркс.

Итак, я еду в Москву, к выучке легендарно смелого революционера, члена Генерального Совета I Интернационала, первого переводчика на русский язык «Капитала», друга Карла Маркса и Фридриха Энгельса — Германа Александровича Лопатина.

В Ставропольском музее я познакомилась со стендом, посвященным Лопатину, перечитала книги о нем. Глеб Иванович Успенский писал о Лопатине: «Повесть, которую пишу,— автобиография не моя личная, а нечто вроде Лопатина. Чего только он не видел на своем веку. Его метало из губернских чинов на Кавказ, с Кавказа в Италию, прямо к битве под Ментоной, к Герцену, потом в Сибирь на три года. Потом на Ангару, по которой он плыл тысячу верст, потом в Шенкурск, в Лондон, Цюрих, Париж. Он видел все и вся. Это целая поэма. Он знает в совершенстве три языка, умеет говорить с членами парламента, с частным приставом, и мужиком, и неучем, и в то же время может войти на кафедру и начать о чем угодно интересную лекцию. Это изумительная натура...»

Прошло более ста лет с тех пор, когда Герман Лопатин учился в

«
Ставропольской губернской гимназии и окончил ее с золотой медалью. Правда, Герман родился в Нижнем Новгороде 25 января 1845 года, но лучшую пору своей жизни — детство и юность — он провел в Ставрополе.

В 1866 году он поступил в Петербургский университет и блестяще окончил его. Его диссертация «О самопроизвольном зарождении» привлекла большое внимание научных кругов, но одаренный ученый отказался от предложений, поддержанных официальной рекомендацией Д. И. Менделеева остаться на кафедре, и всецело посвятил себя революционной борьбе.

Вернувшись после разгрома гарибальдийцев из Италии в Россию, Герман Лопатин вместе со своим другом Федором Волховским создал тайное «Рублевое общество», чтобы выработать программу революционного обновления России, за что его и Волховского посадили в Петропавловскую крепость. Лопатина вскоре выслали в Ставрополь, чтобы изолировать от главных тогда центров революционного движения, к тому же предполагая, что юноша, может быть, смирится в обществе матери, которую страстно любил. В Ставрополе Лопатин был назначен «исправляющим» должность младшего чиновника особых поручений при губернаторе без

жалования впредь до открытия таковой же должности с содержанием».

Жизнерадостный, энергичный, обладающий острым умом, Герман Лопатин был принят в «избранном» обществе Ставрополя. Этому способствовало и положение его отца, который был председателем Ставропольской казенной палаты.

Герман Лопатин с разрешения губернатора провел вопрос о замене в Ставропольской губернии общинно-захватного крестьянского земледелия общинно-передельным и притом по-чиновничьи канцелярским указаниям, а по постановлениям сельских и волостных сходов, зачастую очень бурных. По поручению губернатора Лопатин ездил в Пятигорск, где составил историко-статистическое описание сел Пятигорского уезда. Но, пожалуй, самое большое внимание он уделял общественной библиотеке. Он давал книги семинаристам и наотрез отказался закрыть доступ в библиотеку гимназистам, превратив ее в революционный клуб. Здесь получили революционную закалку будущие герои «Народной воли», тогда воспитанники губернской гимназии Адриан Михайлов и Михаил Фроленко. Да и сам Герман до самозабвения увлекался политической литературой.

Однажды он написал в Петербург своему другу М. Ф. Негрескулу (зятю известного революционера П. Л. Лаврова) о своем предлагаемом бегстве за границу. Письмо было вскрыто полицейской цензурой, и одно его прочтение оказалось достаточной причиной для ареста Лопатина.

На допросе в Ставропольском жандармском управлении он заявил: «Подневольная жизнь в Ставрополе мне опротивела до последней степени. Очень может быть, что здешнее общество во всех отношениях прекрасное общество, но мне оно кажется скучным, потому что я привык прежде постоянно жить в обществе молодежи, жадно следящей за наукой и искренне волнуемой успехам во всех областях жизни...»

Вечером 18 января 1870 года Герман Лопатин совершил дерзкий побег в Петербург.

От дочери Петра Лавровича Лаврова Лопатин узнал, что ее отец, томящийся в вологодской ссылке, всеми силами рвется на свободу. Герман незамедлительно отправился в город Кадников и через несколько дней доставил Лаврова в Петербург, а затем по собственному заграничному паспорту отправил его во Францию. Дождавшись по почте своего паспорта, он обманул бдительность жандармов и тоже уехал в Париж.

«Он имел паспорт французского подданного,— пишет в своем дневнике С. Сухотин,— за ним следили. На границе жандармский офицер заподозрил, что это Лопатин, и арестовал его. Лопатин притворился ни слова по-русски непонимающим и все время протестовал на чистейшем французском языке. Офицер сказал, что по телеграфу где-то наведет справки о нем. Через несколько часов офицер влетел в комнату, где был посажен Лопатин, и радостно закричал:

—Вы свободны!

—Что вы сказали?— спокойно спросил по-французски Лопатин.

Ну, тогда офицер вполне убедился, что это не Лопатин, угостил его ужином с вином и усадил на ближайший поезд».

В Париже молодой эмигрант познакомился с зятем Карла Маркса Полем Лафаргом, который попросил его доставить книгу семье Марксов в Лондоне, и дал рекомендательное письмо. 2 июля 1870 года Лопатин с волнением переступил порог квартиры Карла Маркса на Мейтленд Парк Род, 41. Герман Лопатин произвел на Маркса великолепное впечатление. Основоположник научного коммунизма пригласил его на следующий день — воскресенье, 3 июля — к себе. Явившись к десяти часам утра, Лопатин пробыл у Маркса до двести ночи и вскоре, обласканный всей гал бывать у них запросто.

О полном доверии Маркса к Герману Александровичу ярко свидетельствует тот факт, что уже к исходу третьего месяца их знакомства Лопатин, по рекомендации Маркса, был избран — одновременно с Энгельсом — членом Генерального Совета Интернационала. Герман Лопатин оправдал это доверие, решительно оказав Марксу помощь в борьбе с Бакуниным.

Дружба Маркса и Лопатина была скреплена напряженным трудом над переводом на русский язык гениального произведения эпохи — «Капитала». В ту пору Лопатин писал П. Лаврову: «Мне предлагали много раз переводить «Капитал» Маркса. Я постоянно отказывался, но, в последнее время, когда я прочел всю эту книгу, я увидел, что я могу

перевести ее, особенно, если взять во внимание проживание в одном городе с автором. К тому же перевод Л. Блана сорвался... Итак, я взялся, дал обещание, и до окончания этой работы, не могу взяться ни за что другое».

Маркс часто беседовал с Лопатиным о России и революционном движении в стране. Особенно его интересовал Н. Г. Чернышевский и его превосходные экономические работы. Автор «Капитала» называл Чернышевского великим русским ученым, восхищался оригинальной силой и глубиной мысли Чернышевского. Маркс неоднократно говорил Лопатину о том, что политическая смерть Чернышевского, томившегося в сибирской ссылке, есть потеря для ученого мира не только России, но и всей Европы.

Возможно, что такие беседы внушили Лопатину смелые и дерзкие планы освободить Чернышевского и помочь ему уехать за границу.

Передав переведенные главы «Капитала» своему другу Николаю Даниельсону, который взялся завершить перевод, Лопатин в конце 1870 года с паспортом турецкого подданного Сакича отправился в Россию, чтобы устроить побег Н. Г. Чернышевского. Он был абсолютно уверен в том, что вернется в Лондон и расскажет Марксу о своем путешествии.

Из Петербурга, где друзья снабдили его всем необходимым, он уехал в Сибирь под именем почетного гражданина, члена географического общества Николая Любавина и 1-го февраля 1871 года прибыл в Иркутск. Там он был

опознан и арестован. Дерзкий замысел сорвался. Летом 1873 года Герману Александровичу удалось бежать из Сибири. По счету это был уже третий побег. Произошло это следующим образом.

22 июля Лопатина затребовали в иркутский суд для допроса. В окно он увидел, что спешившийся всадник не очень крепко привязал своего коня к воротам. Мысль о побеге созрела моментально. Лопатин попросил, чтобы его вывели во двор. Там он неожиданно вскочил в седло и ускакал...

29 ноября 1873 года Фридрих Энгельс писал из Лондона Карлу Марксу в Манчестер: «...Лопатин, после того, как убежал в июле из ссылки, еще месяц скрывался в Иркутске, в последнее время в доме того самого чиновника, которому было специально поручено обнаружить его убежище, затем отправился переодетый крестьянином, на собственной телеге в Томск, откуда пароходом, от Тобольска на почтовых и, наконец, по железной дороге в Петербург, все в качестве крестьянина; здесь он скрывался еще месяц, пока спокойно не переехал по железной дороге границу».

Впоследствии Лопатин несколько раз приезжал нелегально в Россию. Это он доставил известное письмо Карла Маркса в редакцию «Отечественных записок».

В начале 1879 года Лопатин был арестован в Петербурге и заключен в Петропавловскую крепость.

«Несчастье, обрушившееся на Лопатина,— писал Лаврову очень любивший и ценивший Германа Александровича Иван Сергеевич

Тургенев,— было неизбежно, он сам как бы напросился на него. В самый день моего приезда я умолял его уехать на юг, ибо об его присутствии в Петербурге полиция знала. Что теперь сделать — сказать трудно... Лопатин оскорбил лично Александра III,— это не прощается... Очень мне его жаль».

На сей раз Лопатин отделался сравнительно дешево: после тринадцатимесячного заключения в Петропавловской крепости он был выслан в Среднюю Азию, в город Ташкент.

9 сентября 1880 года Лопатин с женой и трехлетним сыном Бруно прибыл в Ташкент для отбытия ссылки.

А 9-го апреля следующего года Герман Александрович был вызван к ташкентскому губернатору.

—Почему ваша супруга Зинаида Степановна без разрешения властей бежала в Петербург?

—Она уехала из-за необходимости поправить здоровье. Должен вам сказать, что к ее отъезду я непричастен.

В тот же день Лопатин покинул контору свояка и переселился к знаменитому исследователю Средней Азии Василию Федоровичу Ошанину, жившему в доме при руководи-им станции шелководства.

Отъезд Абсеитовой-Барт имел серьезные основания. Свояк поручился за Лопатина пятьюдесятью тысячами рублей. Убежать и подвести родственника он не мог, и Зинаида Степановна должна была ходатайствовать в Петербурге о замене места ссылки.

Летом 1881 года В. Ф.

Ошанину удалось взять с собой Лопатина в научную экспедицию по западной части Ферганской долины. А 12 января 1882 года Лопатин выехал из Ташкента в Вологодскую ссылку. Отсюда он опять бежал за границу. 28 марта 1883 года Лопатин писал Элеоноре Маркс, с которой он был связан сердечной дружбой:

«Моя дорогая мисс Тусси! У меня нет слов, чтобы выразить Вам, какую боль причинило мне известие о смерти Вашего отца и как глубоко я сочувствую Вашему горю. Сообщение о кончине моего уважаемого и любимого друга было первое, что я услышал, переступив порог Лаврова, Маркс умер как раз в тот день, когда я переходил границу России. Таким образом, задержка в несколько дней лишила меня радости еще раз в жизни обнять этого человека, которого я любил как друга, уважал как учителя и почитал как отца...»

Два года спустя Лопатин вернулся в Россию, чтобы «вдохнуть» жизнь в «Народную волю» и сделать ее союзником европейской революции и этим выполнить пожелание Фридриха Энгельса. В октябре 1884 года Герман Александрович был схвачен на Казанском мосту в Петербурге. После трехлетнего заключения в Петропавловской крепости Лопатина приговорили к смертной казни, которую затем заменили бессрочной каторгой. Каторгу он отбывал в Шлиссельбургской крепости. — Свободу Лопатину и всем выжившим шлиссельбургцам вернула революция 1905 года. В 1908 году он получил право выехать за границу на лечение. Герман

Александрович побывал в Париже и Лондоне, где в доме Маркса пережил свою революционную молодость и зрелость. Затем — поселился в деревушке Кави под Генуей, откуда ездил на капри к Алексею Максимовичу Горькому.

На чествовании, посвященном семидесятилетию со дня рождения, Герман Александрович сказал: «Только могучему стихийному движению столичного пролетариата и сельских масс удалось добиться в 1905 году частичного осуществления кой-каких из наших стремлений и вернуть к жизни тех из нас самих, которые не были еще убиты насмерть». В дни Великой Октябрьской революции тяжело больной Герман Александрович был уже прикован к постели. Последний прекрасный подвиг неукротимого Германа относился к дням падения царского самодержавия, бесстрашной борьбе с которым он целиком отдал лучшие годы своей жизни. Нельзя без глубокого волнения читать строчки дневника 71-летнего революционера, написанные в Петербурге.

«28, вторник. Чтобы описать все виденное, пережитое и пережитое мною в этот навеки незабываемый для меня день, самый счастливый день в моей жизни, понадобились бы целые томы. Конечно, я весь день и весь вечер провел в толпе восставших рабочих и передавшихся на их сторону солдат, присутствуя при подвигах и поражениях. Ах, что бы я дал вчера, чтобы бродить под руку с какой-нибудь зрячей спутницей. Мои глаза ведь теперь очень плохи. Попадал, конечно, не раз под обстрел

из винтовок и пулеметов, оставаясь стоять даже тогда, когда мои случайные товарищи временно разбежались, ибо быть сраженным пулей в такой торжественный день на склоне жизни я счел бы за счастье.»

* * *

— Вот дедушкин портплед, — сказала внучка Лопатина Елена Бруновна, — когда я, волнуясь, вошла в ее комнату на Малой Калужской в Москве. — Я обещала подарить его Ставропольскому музею и буду очень рада, если вы возьмете его с собой.

Старый, заштопанный темно-сиреневый с желтыми линиями клеток портплед.

— Герман Александрович купил его после выхода из Шлиссельбургской крепости. Был с ним у Алексея Максимовича Горького на Капри, — продолжала она.

Она была предупреждена о моем приезде, знала о его цели и поэтому так сразу заговорила о своем знаменитом деде.

— Елена Бруновна, вы ведь читали воспоминания Веры Фигнер. Помните, она пишет о Германе Александровиче. Посредством стука в стену он передал ей азбукой Морзе свое,

полное трагизма, стихотворение:

Да будет проклят день, когда
Впервой узрел я эти своды
И распростился навсегда

С последним призраком
свободы.

Вера Фигнер, никогда ранее не писавшая стихи, передала Герману Александровичу стихотворный ответ:

Нам выпало счастье: все
лучшие силы

В борьбе за свободу всецело
отдать,

Теперь же готовы мы вплоть до
могилы

За дело народа терпеть и
страдать.

Терпеть без укоров, страдать
без проклятий,

Спокойно и скромно в тиши
угасать,

Но тихим страданьем своих
юных братьев

На бой за свободу и равенство
звать!

Ваш дедушка передал, что
тронут ее поддержкой до слез.

Елена Брунова подошла к
своему письменному столу, искала
в бумагах и передала мне конверт.

— Это письмо ныне покойного
профессора Среднеазиатского
университета Льва Васильевича
Ошанина, сына известного исследо-
вателя Средней Азии Василия
Федоровича Ошанина. Прочтите. Он
пишет о послешлиссельбургском
периоде жизни дедушки. Кстати, этот
период почти не изучен биографами
Лопатина.

«Германа Александровича
Лопатина, — писал Лев Васильевич в
1958 году, — и я, и жена знали
хорошо, очень любили и глубоко
уважали. Это, несомненно, самый
замечательный человек из всех
людей, встретившихся мне за 75 лет
своей жизни. Он был другом моего
отца, известного исследователя Сред-
ней Азии — Василия Федоровича
Ошанина. Познакомились они в
Ташкенте, куда был сослан Герман
Александрович в конце семидесятых
годов.

Около года Герман Александрович жил в квартире моего отца в Ташкенте. В дальнейшем связь порвалась на двадцать с лишним лет. Герман Александрович бежал за границу, затем вернулся и был пожизненно заключен в Шлиссельбургскую крепость. В 1906 году его, как и других шлиссельбуржцев, выпустили. Он сразу же навел справки о моем отце. Узнал, что он в отставке, живет в Петербурге, узнал его адрес в адресном столе. На следующий же день он был у нас. Так старые друзья встретились через четверть века, пройдя совершенно разные жизненные пути.

Герман Александрович очень любил и ценил моего отца, о чем не раз мне говорил. С тех пор Герман Александрович стал у нас постоянно бывать, не менее раза в неделю. Был даже специально «лопатинский» день — пятница, когда готовился «лопатинский гусь». Затем (не помню, в какие годы) он жил в Италии у писателя Амфитеатрова, посвятившего ему один из своих романов. Это посвящение я хорошо запомнил: «Могучему русскому человеку Герману Александровичу Лопатину».

По возвращении из-за границы, кажется, перед самым началом первой мировой! войны, «лопатинские пятницы» с неизменным традиционным гусем возобновились и продолжались вплоть до смерти моего отца в конце февраля 1917 года...

За время посещений Германом Александровичем даже установился неизменный ритуал. Придя, он прежде всего садился на корточки и занимался боксом с моей дочкой,

которой в то время было пять-шесть лет и которая звала его «дедушка удивительная борода». Затем следовал «обряд рассечения гуся».

...После обеда Герман Александрович шел к отцу в кабинет, где для него было приготовлено место на кушетке. Укрывшись пледом, он спал часа два, наказав его разбудить. На вопрос, как спалось, неизменно следовал ответ, оставшийся «классическим» в нашей семье: «Спал, как младенец, но еще не родившийся, а находившийся в утробе своей матери». Отдохнув и подкрепившись чаем, он часто заявлял, что ему больше нельзя сидеть, так как он сегодня приглашен на пельмени к нашей общей приятельнице — курсистке, другим курсантам и студентам.

И это после многочисленных сидений в тюрьме и 20-летнего одиночного заключения в Шлиссельбурге!

В то время Герману Александровичу было уже семьдесят лет.

Герман Александрович был замечательным рассказчиком. Обычно дело происходило так: отец раскладывал один из своих многочисленных пасьянсов, а Герман Александрович ходил взад и вперед по комнате и рассказывал, рассказывал много и мастерски об удивительных приключениях своей жизни и в особенности о встречавшихся ему замечательных людях. Ведь он знал чуть не всех знаменитостей своей эпохи — и Карла Маркса, и Энгельса, и Бакунина, и Герцена, и Достоевского, и Тургенева, и Гюго, и Флобера, и Бородин, и Чайковского. На

настояния, что ему необходимо писать мемуары, кратко отвечал: «Нет, не буду. Не люблю писать».

К сожалению, я в свое время не записывал рассказы Германа Александровича. К тому же он у нас бывал главным образом в годы первой мировой войны, а я был в то время военным врачом на фронте. Но нам давали раза три-четыре в год отпуск, и во время этих отпусков я неизменно встречал у нас Германа Александровича».

Я записывала все, что касалось нашего знаменитого земляка. Елена Бруновна знакомила меня с журналами, газетами, книгами, в которых есть сведения о Германе Александровиче, попросила меня поблагодарить профессора Ставропольского педагогического института Андрея Васильевича Попова (ныне покойного), который после многих лет забвения Германа Лопатина «воскресил» его в краеведческом сборнике в 1949 году.

Я подумала о том, что приближается 120-летие со дня рождения Лопатина, и все же нет по-настоящему хорошей книги о нем в известной серии «Жизнь замечательных людей». Елена Бруновна говорит, что в ряде архивов есть документы и материалы о Лопатине и более ста его писем.

— А почему бы их не издать?— спросила я.— Ведь они еще шире раскрыли бы революционное прошлое России и рассказали бы о взаимоотношениях русских революционеров с Марксом и Энгельсом, тем более, что Герман Александрович не оставил своих мемуаров.

Внучка Лопатина соглашается

со мной, но тут же поясняет:

—Характерная черта дедушки, отмечаемая всеми, кто хорошо его знал, была абсолютная внутренняя честность, инстинктивная высокая скромность и брезгливость к самовосхвалению; поэтому он и не заботился о том, чтобы оставить «следы» своей деятельности. Он решительно отделялся от биографов.

—Приближается пятидесятилетие Советской власти. Почему бы кинематографистам не сделать фильм о Германе Александровиче? С каким бы захватывающим интересом он смотрелся!

Дав мне высказаться, Елена Бруновна вспоминает:

— В журнале «Литературное наследство», кажется, в номере 7 — 8 за 1933 год была статья Ростова: «Был ли архив у Г. А. Лопатина?» В ней автор писал, что Герман Александрович после освобождения из Шлиссельбургской крепости разыскал свой архив с документами, относящимися к знакомству с Марксом и к конфликту Маркса с Бакуниным. Но даже в девятисотых годах Герман Александрович не хотел везти свой архив в Россию, а потом началась война 1914 года, и все связи с его заграничными друзьями прервались. Так и осталось неизвестным, у кого оставил свой архив дедушка. Об этом же примне говорили папа и Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, который был тогда директором Государственного литературного музея в Москве и которому папа передал ряд сохранившихся дедушкиных писем, бумаг.

Я помню этот разговор, который был при мне. Папа давал от своего имени доверенность Бонч-Бруевичу на имя Коллонтай, которая тогда была послом в Швеции, на возможное получение дедушкиных бумаг. Он предполагал, что архив в свое время был отдан на хранение шведскому социал-демократу Брантингу. Предприняла ли Коллонтай попытки к розыску, я не знаю.